

Этот сценарий был написан в 1994 году для режиссера Дмитрия Месхиева. Но судьба его (сценария, конечно) грустна, как японское хокку:

Нынче — как вчера...
Над убогой хижинной
Стелется туман.

Лес. Широкий ствол дуба. Рука, рисующая на нем мелом неровные круги мишени. В центре мишени ставится крупная точка. Мел ломается, падает вниз. Звук шагов, приглушенных травой, отдаляющихся от дуба. Мишень с расстояния тридцати метров, с кончика стрелы, направленной на нее. Натянутая тетива лука. Легкий шелест, с которым стрела уходит в цель, в крупную точку в центре мишени.

Звук мотора. Хлопнувшая дверца машины, которая затормозила невдалеке. Из нее вышел человек с помятым лицом, в клубном костюме с бабочкой, и с бутылкой коньяка.

— Дай стакан, — сказал человек девушке, сидящей в машине.

— А где я возьму, — сказала девушка.
— Дура, — равнодушно сказал человек и, сдернув пробку, отхлебнул из бутылки.

Стрелок, высокий молодой парень, лет двадцати пяти, не обращая на них внимания, снова заправил стрелу из колчана, висевшего за спиной, и прицелился.

— А тебе так слабо, — сказала девушка.
— Дура, — сказал человек. — Я на тебя все баксы в рулетку просрал.

Стрелок пустил стрелу, и она воткнулась в мишень рядом с первой.

— Цирк, — сказал человек и захолопал.

— Ребята, езжайте отсюда, — не глядя на них, сказал стрелок.

— Хорошенький какой, — сказала девушка и выбралась из машины. — Хочу, чтоб он в меня стрельнул. Слышишь? Скажи ему! — она забрала у человека бутылку, отхлебнула и, пошатываясь на длинных ногах, двинулась с ней к дубу.

— Слышишь, спортсмен, — вздохнув, сказал человек. — С ней покоя не будет. Стрельни в нее разок и мы поедим. Только подальше, не поцарапай. А я тебе пятьдесят баксов дам.

— Сто, — подумав, сказал стрелок. — За моральный ущерб.

— Спортсмен, в яблочко цель, — хихикнув, сказала девушка. Она уже стояла у дуба, пристроив на голове бутылку.

— Платочек есть? — поинтересовался у нее стрелок.

— Есть, — сказала девушка. — А зачем?

— Стеклышки в ушко залетят.

— Ты че, вправду стрелять собрался, — хихикнула девушка и положила на голову платочек.

— Тебя как зовут? — сказал стрелок и поднял лук.

— Лулу, — сказала девушка.

— А мама как называла?

— Люда.

Стрелок прицелился.

— Не дергайся, Люда, — сказал он.

— Я маленький зуав, — игриво сказала Люда.

Стрелок выстрелил.

Стрела, разбив бутылку над головой Люды, вонзилась в дерево.

Люда, приоткрыв рот, некоторое время продолжала стоять, а потом, пожевав губами, куда с ее головы стружкой стекал коньяк, медленно сползла по дереву.

— Охренел, да? — хрипло спросила Люда.

Кладбище. Гроб у свежевыкопанной могилы. Небольшая группа людей, в основном мужчины среднего и пожилого возраста, слушают прощальную речь. Среди них юноша, лет девятнадцати. Тонкий, хрупкий с бледным лицом. Его зовут Саша.

— Виктор Иванович проработал в нашем ателье последние годы своей жизни. — Быстро и бодро говорит маленький и пузатый мужчина. — Он был честный и крепкий профессионал. Настоящий фотограф старой закалки. Его работы с видами города, его пейзажные наблюдения пользовались заслуженным уважением как коллег, так и любителей... мм... этого жанра. Совсем немного он недожил до своей персональной выставки.

— Да, — хмыкнув сказал стрелок. — Лет сорок.

Стрелка зовут Дима Дубровский. Он стоит несколько в стороне от друзей и знакомых покойного. В его руках развернутый

лист бумаги с пометкой нотариальной конторы, а рядом с ним ее представитель.

— Вы читайте, — хмуро сказал Представитель. — Три дня вас разыскивали.

— Да, я понял, — сказал Дима. — Но это какое-то недоразумение. Последние лет шесть я вообще его не видел. Вот стоит его сын Саша, — он кивком указал в сторону юноши.

— Послушайте, Дубровский, — хмуро сказал Представитель. — Вы подпись покойного видели?

— Видел.

— Пользуйтесь, — сказал Представитель и пошел прочь.

Саша оборачивается к Диме. Они мгновение обмениваются взглядами. На лице Димы презрительная гримаса. Саша отворачивается.

Концертный зал. Последний аккорд увер-

Недострелили его!

"Скорая", рванув через тротуар вниз, по пешеходной улочке, юркнула в подворотню, потом в сквонной дворик, попетляла между домами и детскими площадками, а затем встала, чихнув мотором.

— Амбец, — сказал Витя-Петя, — бензин кончился.

— И у меня кончился, — устало сказал Дима и закрыл кавказцу глаза. — Зря гоняли.

Дима перелез в кабину, они закурили.

— Ни бинтов, ни крови, ни хера, — расстроенно сказал Дима. — Чем людей спасать... Тебе собака не нужна?

— У меня есть, — сказал Витя-Петя. — Кобель?

Дима задумался.

— Забыл посмотреть, — сказал он. — Отчим умер. Квартиру оставил. А там собака. Умница, слов нет.

— Породистая? — подозрительно спросил

мирует человек.

— А потом, — говорит Дима, — если про- дать?

— После ремонта? За кусков девять, я думаю, можно.

— За ремонт десять? А продать за девять?

— Да, — говорит человек.

— Понятно, — говорит Дима.

Дима выходит в коридор. Собака идет за ним. Садится у его ног.

В коридоре телефонист пытается подсоединить телефон. По квартире ходят рабочие алкогольного вида.

— Он че, специально поджег? — спросил один из них.

— Нет, — сказал Дима. — Выпил, закурил, лег и умер. Собака завyla, считай, дом спасла. Тебе такая не нужна?

— Попробуй, — сказал телефонист, сунув Диме трубку.

В трубке гудело.

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

Стрелок из лука

Фрагмент сценария

тюре. Публика в вечерних туалетах. Глаза красивой женщины средних лет, с четкими, классическими чертами лица, закрыты от наслаждения. Крупный седой мужчина, сидящий рядом, склонившись, целует ей руку. Женщину зовут Мерил Джейн Сеттон. Рядом ее муж Тед. Они американцы.

Поздний вечер. Городские улицы, по которым едет машина "Скорой". В салоне доктор Дима Дубровский, который по рации переговаривается с диспетчером Валей, и пожилой водитель Витя-Петя, установивший стрелку приемника на волне классической музыки.

— Димочка, — сквозь треск и шум говорит Валя. — Вы домой пустые?

— Пустые, Валечка, — устало говорит Дима. — Выключи эту муру, — говорит он водителю.

— Овражный, первый подземный переход от светофора, — говорит Валя, — неизвестный гражданин без чувств, лужа крови... Поедем?

— Поедем-не-поедем, — хмуро говорит Витя-Петя, — такси, что ли.

— Разворачивайся, — говорит Дима. — Валечка, анекдот про уролога рассказать?

— Ой, умру, — заранее говорит Валечка.

— Из цикла приметы, — говорит Дима. — Если у больного падает вправо, это к дождю.

Валечка заливисто смеется.

Пустой и грязный подземный переход. Смуглый парень в луже крови полулежит, прислонившись к мозаичной стенке. Дима рассматривает рубашку на его груди.

Сверху, со ступенек лестницы бокового хода, звук быстрых шагов. Выскочивший на угол кавказец мгновение молча смотрит на Диму.

— Твой клиент? — спросил Дима.

Кавказец, хлопнув глазами, исчез.

— Значит мой, — сказал Дима. — Витя-Петя, — крикнул он. — Носилки, быстро! У меня в грудь сквозное!

"Скорая" мчится по улицам. Две иномарки, поравнявшись рядом с ней, сигналият, прижимают к обочине, пассажиры делают знаки, кричат.

— Родственники, что ли? — спросил Витя-Петя.

— Родственники, ага, — сквозь зубы сказал Дима, манипулируя над раненым. — Счас они нас догонят и подарки вручат. Жми давай!

Витя-Петя.

— Да, отличная собака, — воодушевленно сказал Дима. — Большая, лохматая, сидеть, лежать, прыг, скок. Просто любо-дорого посмотреть. Лапу дает.

— Не могу, — сказал Витя-Петя. — Свою кормить нечем.

Утро. Квартира Димы. На диване Дима и дочерна загоревшая девушка. Смятая простынь валяется на полу. Диван скрипит. Над диваном висит лук. На двери в рост человека закреплен цветной анатомический атлас, со следами стрел в точках нервных окончаний.

На столе резко звонит будильник. Димина рука шарит по столу.

— Ну, подожди, — задыхаясь и умоляюще, говорит девушка.

Она сбрасывает будильник на пол. Будильник тарыхтит, прыгает на ключе. Замолкает.

Они лежат неподвижно. Дима пальцем проводит по ее влажной спине.

— Ты нудистка? — спрашивает он.

— Да, — без сил говорит девушка.

— И не стыдно?

— Нет.

— А муж, тоже нудист?

— Геолог.

— Золото ищет?

— Все подряд.

— Понятно, — говорит Дима.

Он встает, шатаясь, идет к дверям.

— Ты поспи, — говорит Дима. — Будешь уходить, дверью хлопни.

Маленькая двухкомнатная "хрущевка" со следами недавнего пожара. Черные от дыма потолки, стены. Остатки и без того неказистой мебели. Панцирная кровать.

В помещении бывшей кухни большая лохматая собака непонятной породы жадно ест из миски, вылизывает ее добела. Рядом с собакой человек интеллигентного, но помятого вида, считает на калькуляторе. Рядом с человеком стоит Дима.

— Потолки, плюс стены, — говорит человек, — плюс облицовка, плюс подоконники, плюс помножить на две комнаты, плюс туалет, кухня, ванная, итого пять кусков. Я, конечно, имею в виду в долларах, — ласково говорит он. — Пол, плюс двери, плюс коридор, плюс окна, плюс обои, кладовки, плюс помножить на две комнаты, итого десять. В долларах, конечно, я имею в виду, — резю-

— Волшебник, — сказал Дима. — Маг, — он потряс ему руку и дал купюру.

Телефонист взял.

— Мало, — сказал он.

— Не этично, — сказал Дима.

— Этично, — сказал телефонист.

Дима дал еще, телефонист взял.

Подтянувшиеся рабочие и собака внимательно наблюдают за процедурой.

— Еще? — спросил Дима.

Телефонист кивнул.

Дима дал.

— Еще?

— Еще, — азартно сказал телефонист.

— Недалеко живешь? — спросил Дима.

— Нет, — сказал телефонист.

— Ну, иди домой.

Телефонист пошел к выходу.

— Ребята, вы откуда такие? — спросил Дима рабочих и человека с калькулятором, которые, подступив тесной группой, выжидательно смотрят.

— Из совместно-швейцарского предприятия, — хрипло сказали Диме.

Дима показал пустое портмоне. Рабочие потянулись к выходу.

— Да, парень, — с угрозой сказал последний, — год будем делать.

Собака посмотрела на рабочего и гавкнула.

— Или два, — уже выходя, сказал тот.

Дима в центре комнаты сидит на табуретке, курит и смотрит на сервант. Передвигает его от стены в центр комнаты. Садится на табуретку. Снова передвигает. Шорох. Собака стоит на пороге комнаты.

— Ко мне, — грозно говорит Дима. — Сидеть! Лежать! Место!

Собака, с интересом понаблюдав за его жестами, села и высунула язык.

Дима в ванной, бывшей, видимо, и лабораторией. Ванночки, скрученные пленки, реактивы. Фотоувеличитель на лопнувшем стекле самодельного столика. Дима выдвигает из него ящички. В одном из них оказывается большой чистый конверт из хорошей бумаги. На обратной стороне конверта карандашом слабо выписано "Мерил".

В конверте оказалась фотография и не проявленная пленка. На фотографии, большой, сделанной портретом, была изображена женщина, дорого и стильно одетая. Ее лицо, тонкое с высокими скулами, холодно и отстраненно красиво, но что-то в нем бы-

ло от беззащитной девочки, которая испытывает неуверенность и тревогу, и в любое мгновение готова спрятаться или убежать. Дима присвистнул. На обратной стороне фотографии не было штампа ателье. Он порылся в других снимках: фото на паспорт, на документы, свадебные фотографии, серые снимки, серые лица.

Дима с собакой стоит на лестничной площадке, перед соседской дверью.
— Какое несчастье, — говорит соседка. — Такой милый, спокойный человек, так тихо пил.
— Да, — сказал Дима. — А как он ее называл? — кивнул на собаку.
— Дора, — сказала соседка.

Дима, потянув собаку за собой, стал спускаться по лестнице.
— Вы будете ее продавать? — спросила соседка.

Дима встал.
— Собаку? — с надеждой спросил он.
— Нет, квартиру.
Старый, крашеный "оппель" у дома. В него Дима пытается затолкнуть Дору. Дора упирается. Наконец, Дима хлопает за ней дверцей. Садится. Отъезжает.

Его квартира, куда он впускает собаку. На тумбочке в коридоре лежит диктофон. Дима вертит его в руках, включает.

— Спасибо, было прекрасно, — говорит голос девушки, бывшей у него утром. — Приходила соседка, забрала велосипед, сказала, что ее. Оставляю диктофон, чтоб был повод зайти. Можешь мне что-нибудь наговорить, сладкого и нежного, — голос хихикнул.
Дора, прошедшая в это время по коридору в кухню, тоскливо завывала.
— Заткнись, — сказал Дима и вышел.

Дима, этажом выше, на пороге квартиры, где стоит лысый юноша с безразличным взглядом.

— Маню давай, — сказал Дима.
— Нет Мани, — вяло сказал юноша.
Дима отодвинул его и прошел внутрь.
Залупанная длинная квартира. Несколько диванов. На кухне две девушки пьют чай.
— Привет, Димыч, — здороваются с ним.

Дима стучит в дверь комнаты, находящейся в тупике квартиры.
За закрытой дверью Маня, крупная женщина пожилого возраста, считает деньги на полу крохотной комнаты, заставленной шкафами и шапками.

— Меня нет, — не отрываясь, сказала Маня.
— А где ж ты, старая блядь? — спросил Дима.

— Ой, Димыч, — после паузы, слезно закричала Маня, пряча деньги под юбку. — Не могу встать, ноги не держат.
— Велик брала?
— Нет.
— Я сейчас пойду и притон твой в ментовку сдам.

— В ванной стоит, — угрюмо сказала Маня.
— И давай долг под дверь просунь.
— Это за что? — возмутилась Маня.
— А девок твоих трипозных, я что, бесплатно смотрю?
— Жадный ты человек, Димыч. Жадный и нехороший, — с грустью сказала Маня, отсчитывая деньги.
— Зато ты хорошая, — сказал Дима, принимая из-под косяка деньги. — Ну, скажи, лысый, — спросил он у юноши, — зачем ей мой велосипед, она на нем ездит?
— Нет, — сказал юноша.
— Тогда зачем?
— Не знаю. А кто это у тебя там воет?

Позже. Квартира Димы. Коридор.
— ... а по утрам, детки будут умываться этим мылом, — говорит в темноте голос Димы, — и радоваться, что наконец, их ножки и ручки будут чистыми, — голос замолчал.

Дора, сидящая у дверей снова завывала.
— Если ты, сука, будешь выть, — снова заговорил голос, и Дора замолчала, — придут люди с палками и сеткой, они отведут тебя на завод, где из тебя сделают мыло... а по утрам детки будут умываться этим мылом...
Дора встала, понохала диктофон, сбросила его лапой на пол, и немножко погрызла. Потом подошла к миске и жадно захлебала воду.

Ночь. Квартира отчима. Дима в ванной, где горит тусклый красноватый свет. Он курит, смотрит на фотографию Мэрил. Потом надевает черные нарукавники, берет кассету с не проявленной пленкой, соединяет ручки.

Позже. Дима смотрит пленку на свет. Изумленно качает головой.

Позже. Фотографии проявляются в ванной.

Утро. Дима спит на панцирной кровати. Фотографии сушатся на веревке.
Мэрил, расстегивающая пуговицы платья.
Мэрил, стоя, опустив голову, снимающая чулок.
Мэрил, скованно опустив руки, закрыл глаза и закусив губы.
Ее лицо, с робкой, несмелой улыбкой.

День. Дождь. Дима и Витя-Петя грузят в салон подростка лет пятнадцати, подтянувшего к груди ногу в шине. Рядом с ними грузная маленькая женщина под зонтом. Это медсестра Сима Львовна. Она смотрит на часы.

— Димочка, — виновато говорит она.
— Идите, Сима Львовна, идите, — говорит Дима.

— Баба с возу, — говорит Витя-Петя.
Сима Львовна достала из кармана яблочко, потерла

его платком и подала мальчику.
— Кушай, мальчик, — ласково сказала она.
— В больнице не накормят.
Машина трогается.
— Куда она ее все время провожает? — сказал Витя-Петя. — Слышишь меня? Алку свою?

— А-а, — сказал Дима. Он задумчиво смотрит в окно. — В пионерлагерь.
— Да ей тридцать лет, — сказал Витя-Петя, и задумался. — И потом уже давно пионеров никаких нет. Слышишь, Дим?
— Слышу, — сказал Дима и повернулся к мальчику. — У тебя собака есть?
— Есть, — сказал мальчик. — Бульдог.

Фотоателье. Дима идет по короткому лабиринту из маленьких темных и пустых комнат. Дождь по окнам. Скрипят половицы. В последней он натывается на человека в очках с толстыми линзами, так что глаза его кажутся нарисованными сверху. Человечек сидит за столом у ширмы и ест.
— Виктор Иванович был моим отчимом, — сказал Дима.

— А, — сказал человечек, — очень хорошо. Там его стол. — Он махнул рукой в комнату рядом, двери которой были открыты.

Дима проходит. Стол стоит у срезанного длинной дугой низкого окна, с узкой приоткрытой форточкой, откуда со звоном долетают брызги. На гвозде висит фотоаппарат в кофре, вытертый пиджак и летняя панамка. Внизу стоят стоптанные туфли. Дима выдвигает ящички, высыпает содержимое на пол. Газеты, вырезки из журналов, пленки скрепки, канцелярская мелочь.

— Что вы ищете? — спросил человечек, подойдя к нему.
— Женщину, — сказал Дима. Он протянул фотографию Мэрил.

Человечек поднес ее к очкам, потом снял очки.
— Красота спасет мир, — сказал он. — Великолепная работа.

— Это его, — сказал Дима.
— Исключено, — человечек хмыкнул.
Дима осматривал пиджак; коробка спичек, папиросы, мелочь. Извлек из внутреннего кармана записную книжку и, пролистав ее, пошел с ней к выходу.

— Эй, — сказал человечек. — А фотоаппарат?
— Я позвоню его сыну, — сказал Дима. — Он заберет.

— Я тогда панаму возьму, — крикнул вслед человечек.

Позже. Квартира Димы. Он лежит на кровати, задумчиво разглядывая фотографию Мэрил.

Дора села на пороге комнаты и нервно зевнула.
— Заткнись, — сказал Дима. Он взял в руки блокнот отчима в обложке из кожзамента и рассеянно полистал.

— Мила, — бормочет он. — Мурманск, кто у него бы в Мурманске... Миша, Ми-

хаил Федорович, Михасик... А где Мэрил, а? — Он за страничку поднимает блокнот вверх, трясет, так что обложка наполовину сползает. Потом бросает его к дверям, к Доре. Легкий квадратик газетной вырезки, вывалившись из-за обложки, плавно летит на пол.

Университетская аудитория. Мэрил, она одета строго и элегантно, ведет лекцию. Дима, который находится среди студентов, неотрывно и несколько изумленно следит за ней.

Она уверенно прохаживается по кафедре, у нее спокойный, почти безразличный голос и выверенные жесты.

— Умение двигаться, есть, улыбаться, или даже интонационно грамотно выстраивать предложения, не менее важное качество представителя истеблишмента, чем количество нулей, в которых оценивается его недвижимость. На двух предыдущих лекциях мы уже говорили о том, что ваши манеры, по крайней мере для окружающих, есть продолжение ваших мыслей. В бизнесе же, особенно это касается женщин, я надеюсь, мужская половина меня простит, — Мэрил улыбается, — это очень важное правило.

Дима достает из сумки конверт.
— Передайте ей, пожалуйста, — шепчет он. Мэрил в это время садится на стул, закидывает ногу за ногу, взгляд ее становится загадочно-дымчатым, она проводит язычком по верхней губе.

— Вы видите мисс N., пришедшую к мистеру В., с предложением о деловом сотрудничестве. Мистер В. третий, к кому мисс N. обращается с подобным предложением. — Она кокетливо поправляет волосы. — На двух предыдущих мистера мисс N. подала в суд за ответные предложения, оскорбляющие ее честь.

Зал смеется.
Мэрил встает, подходит к столу, куда в это время кладется конверт, удивленно приподнимает бровь.

— Я прошу прощения за столь наглядный пример, — говорит Мэрил, раскрывая в это время конверт, и вытаскивает за уголок фото, где изображена нагой.

Дима с азартом подается вперед.
— Но... — дрогнув голосом, тихо говорит Мэрил, — но, — уже громче говорит она. — Мисс ... вовсе не собиралась ... провоцировать, — она толкает фотографию в конверт, кладет на стол, — провоцировать своих возможных деловых партнеров подобным образом. — И далее также ровно, как и раньше, продолжает лекцию.

Дима восхищенно жмурится.
— И в этом случае, — говорит Мэрил, — хотя ее поведение и вызвало соответствующий резонанс в мужских сердцах, об этом чуть позже, оно вовсе не соответствовало образу ее мыслей... А теперь я попрошу выйти ко мне двух добровольных помощников и мы разыграем с ними определенную ситуацию.

Лес рук.
— Благодарю вас, — вежливо говорит Мэрил, сталкиваясь глазами с Димой и спокойно отводя взгляд.

Позже. Последние студенты покидают аудиторию, в которой остаются только Мэрил, которая стоит у стола, и Дима, который сидит на своем месте. Они молча смотрят друг на друга. Наконец, Дима встает, медленно направляется к ней. Останавливается по другую сторону стола.

— Фотограф умер, — сказал Дима. — Мой отчим. Внезапно.

— Мне очень жаль, — после паузы сказала Мэрил. На ее тонком виске бьется жилка. — Как вы меня нашли? — после паузы спросила она.

— Заметка в газете, — сказал Дима. Он достает бумажный квадратик, расправляет его. — Тед Сеттон, предприниматель из Америки, свой бизнес в России считает долгосрочным, а его супруга прекрасная Мэрил Джейн собирается прочесть несколько лекций в нашем университете.

— Что вы хотите? — после паузы спросила Мэрил. — Денег?
— Встретиться, — сказал Дима. — Но сегодня.

● Гравюра Л.Бакста

Островский Геннадий 10-11.01.99.

